

Георгий Чулков

В. Я. Брюсов

Годы странствий

Георгий Чулков

В. Я. Брюсов

«Public Domain»

1930

Чулков Г. И.

В. Я. Брюсов / Г. И. Чулков — «Public Domain», 1930 — (Годы странствий)

ISBN 978-5-457-12906-1

«И вот среди такой тишины и благонамеренности вдруг откуда-то пришла ватага декадентов. Они принесли с собой яркие, пестрые знамена и дерзкие плакаты. На берегах Невы они появились раньше, но там они были задумчивее и строже. В северной столице поэты были философичнее москвичей и не очень заботились о школе. Москвичи, напротив, чувствовали себя боевым отрядом, и у них был вождь – Валерий Яковлевич Брюсов...»

ISBN 978-5-457-12906-1

© Чулков Г. И., 1930
© Public Domain, 1930

Содержание

I	5
II	9
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Георгий Иванович Чулков В. Я. Брюсов

I

Тем юным, кто родился в начале XX века, трудно представить себе, какова была Москва накануне Японской войны. Какая была в ней патриархальная жизнь, тишина и безмятежность! Правительство снисходительно терпело либерализм «Русских ведомостей»¹. Это была форточка, чтобы граждане не задыхнулись от фимиама, воскуряемого царизму московскою прессою, официальною и уличною. Натуральной реакцией на косность упрямого самодержавия являлась мечта о парламенте. Литература была в положении петуха, которого гипнотизер положил на стол, проведя перед его носом черту: журналист не смел повернуть головы, уставившись на одну тему. Эта единственная тема была конституция, о которой неустанно, хотя, конечно, иносказательно твердили либералы. Людей иной закваски было мало. Вот разве Толстой, который одиноко доживал свой век в Ясной Поляне. Это был человек иной эпохи. Правда, был еще Чехов². Как правительство «терпело» «Русские ведомости», так либеральная интеллигенция терпела Чехова. Она ему также время от времени делала «предостережения», но остракизму не подвергала, ибо его художество, хотя и не отвечало на вопрос «что делать», все же было так пленительно, так вкрадчиво-лирично, так прозрачно и – главное – так ни к чему не обязывало, что либеральный обыватель позволял себе «любить» Чехова, мечтая вместе с его героями о том, что через «двести-триста лет» у нас что-то будет иное, – не то парламент, не то вся земля преобразится чудотворно.

И вот среди такой тишины и благонамеренности вдруг откуда-то пришла ватага декадентов. Они принесли с собой яркие, пестрые знамена и дерзкие плакаты. На берегах Невы они появились раньше, но там они были задумчивее и строже. В северной столице поэты были философичнее москвичей и не очень заботились о школе. Москвичи, напротив, чувствовали себя боевым отрядом, и у них был вождь – Валерий Яковлевич Брюсов.

Чтобы представить себе впечатление от появления книг Брюсова, надо припомнить тогдашний московский быт.

Там, где теперь московский Совет Рабочих Депутатов, жил вел. князь Сергей Александрович, которому молва приписывала пагубное влияние на его державного племянника. Дворец давно утратил связь с культурой и населением. От этого дома веяло тоскою, и чувствовалось, что его обитатель обречен на гибель. По университету бродили педеля и сыщики, а либеральные профессора вяло вольнодумствовали. В Татьянин день³ в ресторанах прятали подальше хорошую посуду, скатерти и вино.

¹ «Русские ведомости» – одна из крупнейших русских газет (1863–1918), издавалась в Москве. С 1870 г. – орган либеральной интеллигенции. После 1905 г. перешла к кадетам.

² Чулков написал некролог А.П. Чехову (Новый путь. 1904, июль), перепечатанный под названием «Памяти Чехова» в сб. «Покрывало Изида». Эволюцию Чехова-художника критик рассмотрел как переход от внешнего реализма к символизму: «конкретный мир» в произведениях писателя постепенно начал «трепетать иным светом», произошло раскрытие «реальности сокровенного», постижение «смысла реальной жизни как тайновидения» (Покрывало Изида. С. 166–167). Статья очень понравилась М. Волошину, который писал автору: «Со статьей о Чехове я очень и очень согласен. Она очень сильна и ярка в своей краткости» (ОР РГБ. Ф. 371. Карт. 2. Ед. хр. 76).

³ Татьянин день – 12 января по старому стилю. В этот день в 1755 г. императрица Елизавета Петровна подписала Указ об учреждении Московского университета. В XIX – начале XX вв. студенты, преподаватели и выпускники университета ежегодно его отмечали: днем – торжественным актом в университете, вечером – традиционным ужином в ресторане «Эрмитаж».

Это было предусмотрительно, ибо в этот день население так называемой Козихи и обеих Бронных выходило с песнями на улицу, славя мнимую студенческую вольность. Молодые люди отправлялись в Эрмитаж, а потом в Яр, в Стрельну⁴. Там пили водку и пиво. На стол влезал седоволосый либерал в длинном похоронном сюртуке и произносил речь, уверяя многозначительно, что после «зимы» бывает «весна». Но Татьянин день проходил без всяких последствий. Продолжалась обычная жизнь: барышни читали Надсона⁵, студенты – Михайловского... Иногда наоборот. В Малом Театре изумительные актеры играли почему-то пошлейшие пьесы, редко позволяя себе выступать в классическом репертуаре. Чувствовалось, что песенка Малого театра спета. Явился соперник – Художественный. Здесь, в скучном сером зале, зрители замирали в сладостном созерцании того, как на сцене изображалась эта самая обывательская скука. Это был воистину Чеховский театр. После спектакля, у кого были деньги, ехали в «Прагу», где лакеи почтительно изгибались, ставя на стол котлеты маршаль. Слов «гражданин» и «товарищ» в обиходе не было вовсе, а если бы кто-нибудь сказал, что на крыше Кремлевского дворца в недалеком будущем водрузят красный флаг, чудака повезли бы в больницу для душевнобольных.

Искусство ютилось по салонам. В Москве были свои Медичи⁶, свои меценаты. Впоследствии они стали покупать декадентские картины, а тогда еще они побаивались «нового» искусства. Любили задушевность во вкусе Левитана⁷. Одним из тогдашних литературных салонов был салон В.А. Морозовой⁸. В ее доме на Воздвиженке читали доклады и устраивались беседы. Этот салон посещали И.И. Иванов⁹, В.Е. Ермилов¹⁰, Н.Е. Эфрос¹¹, С.Г. Кара-Мурза¹², сотрудники «Русских ведомостей», бывали здесь изредка А.П. Чехов, В.Г. Короленко, кое-кто из художников, иные из актеров и несколько студентов, начинавших работать в тех же «Русских ведомостях» и в «Курьере»¹³, где впервые были напечатаны рассказы Леонида Андреева, А.М. Ремизова¹⁴ и мои.

Вот в этом салоне В.А. Морозовой в 1900 году я вызвал сенсацию докладом¹⁵ о книге Брюсова «Tertia vigilia»¹⁶. Валерий Яковлевич присутствовал на этом докладе. Тогда знали

⁴ «Яр», «Стрельня» – загородные рестораны. При «Стрельне» имелся зимний сад с тропическими деревьями. «Яр» был открыт в Петровском парке (ныне Ленинградский проспект, 32); в нем выступали лучшие цыганские хоры, он был местом кутежей купцов и «золотой молодежи». В начале 1950-х гг. здание было перестроено для гостиницы «Советская».

⁵ Надсон Семен Яковлевич (1862–1887) – поэт, представитель поэзии 1880-х гг., отразившей скорбь честного, не находящего места в жизни интеллигента и гражданские «некрасовские» мотивы. Даже после смерти имел множество поклонников, так называемых «надсонутых».

⁶ Медичи – знаменитый флорентийский род XV–XVIII вв., прославившийся покровительством искусству.

⁷ Левитан Исаак Ильич (1860–1900) – живописец-пейзажист, создатель пейзажа настроения.

⁸ Морозова Варвара Алексеевна (урожд. Хлудова; 1850–1917) – вдова крупного московского капиталиста А.А. Морозова, гражданская жена В.М. Соболевского, редактора газеты «Русские ведомости».

⁹ Иванов Иван Иванович (1862–1929) – историк литературы, критик.

¹⁰ Ермилов Владимир Евграфович (1859–1918) – педагог, журналист, лектор. В поэме «Весенний лед» ему посвящены строки: «Москвич известнейший, Ермилов, // И журналист, и лицедей, // В среде скучнейшей и унылой // Он был, ей-Богу, чародей...». И еще: «Ермилов пользовался лестной // Известностью. В московской пресной // Тогдашней жизни каждый знал, // Что он большой оригинал».

¹¹ Эфрос Николай Ефимович (1867–1923) – театральный критик, историк театра, журналист.

¹² Кара-Мурза Сергей Георгиевич (1878–1956) – журналист, книговед, библиофил.

¹³ «Курьер» – ежедневная газета, выходившая в Москве с 1897 г., превратившаяся из умеренного буржуазно-либерального издания в орган демократической печати. В 1904 г. была закрыта властями за оппозиционное направление.

¹⁴ Ремизов Алексей Михайлович (1877–1957) – писатель, эссеист, собиратель сказок, легенд, апокрифов. О его творчестве Чулковым написана статья «Сны в подполье» (Наши спутники. М., 1922).

¹⁵ Брюсов записал в дневнике 15 января 1901 г.: «Вчера у Морозовых Чулков читал реферат обо мне, очень восторженный, но очень поверхностный. Я первый напал на референта и разобрал его реферат жестоко...» (Брюсов В. Дневники. М., 1927. С. 100–101).

¹⁶ «Третья стража» (лат.).

стихотворение Брюсова в одну строчку «О, закрой твои бледные ноги»¹⁷... Больше ничего не помнили из его стихов.

Осмеянный критиками как автор книжечек «Chefs d'oeuvre»¹⁸ и «Me eum esse»¹⁹, Брюсов был для интеллигентов *bête noire*²⁰. Самое неприятное было то, что и Владимир Соловьев, не только философ, но и сам поэт-имвлист, дважды высмеял сборники «Русские символисты»²¹, где первое место занимал Брюсов.

Насколько я припоминаю, сборник «Tertia vigilia» мне принес в первый раз небезызвестный ныне профессор А.С. Яценко²², о котором Брюсов упоминает в письме ко мне из Парижа от 8 мая 1903 года. Про Яценко Брюсов писал тогда: «Он полюбился мне еще больше с тех пор, как я узнал его здесь...» Они оба страдали «географическим патриотизмом», как впоследствии признавался Брюсов, что им не мешало, конечно, вместе восхищаться Парижем, городом «для всех». В 1900 году мы с Яценко были студентами – он на четвертом курсе, а я на втором. Нам обоим нравился Бодлер, и естественно, что книга Брюсова показалась нам интересною. Я взялся писать о Брюсове доклад, соблазненный отчасти желанием подразнить буржуа. В первый раз я читал его в одном частном доме, куда был приглашен Брюсов и, кажется, Балтрушайтис²³. Валерий Яковлевич, по-видимому, не ожидал такой сочувственной оценки его стихов, а его спутница воскликнула даже с трогательной экспансивностью: «Так еще нас никто не хвалил».

Когда я повторил этот доклад у Морозовой, Брюсов, подготовленный к этому выступлению, объявил, что недоволен моим сообщением: я хвалил «не лучшие его стихи» и еще что-то в этом роде²⁴. Однако у нас установилась тогда взаимная приязнь.

Среди московских меценатов наиболее просвещенным и тонким был С.А. Поляков²⁵. Он был издателем «Скорпиона»; он впоследствии устроил журнал «Весы». Воистину, не будь его, литературный путь Брюсова был бы путем кремнистым²⁶. За кулисами «Скорпиона» шла серьезная и деятельная работа художников слова – К.Д. Бальмонта²⁷ – поэт-символист, создатель «певучих» стихов, пронизанных «солнечным» настроением. Эмигрировал в 1920 г.}, Ю.К. Балтрушайтиса, В.Я. Брюсова и некоторых других, а эстрадно, для публики, эти поэты все еще были забавными чудаками. Такова, очевидно, судьба всякой школы.

¹⁷ Чулков цитирует неточно: у Брюсова – «свои...».

¹⁸ «Шедевры» (*фр.*).

¹⁹ «Это я» (*лат.*).

²⁰ Исчадие ада (*фр.*).

²¹ Речь идет о рецензиях-пародиях поэта, помещенных в «Вестнике Европы» (1894. № 8 и 1895. № 1).

²² Яценко Александр Семенович (1877–1934) – юрист, библиограф, литератор, издатель. В 1918 г. уехал в Берлин. Редактировал журнал «Русская книга». В статье «Пессимистическое искусство» сопоставил творчество Чулкова, Ф. Сологуба и Б. Зайцева (Новая жизнь. 1913. № 1).

²³ Балтрушайтис Юргис (1873–1944) – русский и литовский поэт-символист, переводчик. В 1921–1939 гг. – полномочный представитель Литвы в СССР. В декабре 1919 г. Чулков обратился к нему с посланием «Юргису Балтрушайтису», опубликованным в сб. «Стихотворения Георгия Чулкова»: // Твоя душа похожа на тайгу: // Пустынность в ней и хмель зеленой влаги, – // Видение на сонном берегу, // Где тайно действуют шаманы-маги. // Но в час иной крылатая душа // Тебя влечет на светлые поляны, // Как даль ясна! Как странно хороша! // К как цветы весенним солнцем пьяны! // И жизнь твоя – дыхание земли – // Как рост зерна под гробовым покровом. // Где ж силы зла? Они изнемогли // Завороженные волшебным словом.

²⁴ В своем ныне опубликованном дневнике В.Я. Брюсов уверяет, что я был «обескуражен» его отзывом. Поистине, В.Я. Брюсов заблуждался на мой счет.

²⁵ Поляков Сергей Александрович (1874–1942) – переводчик персидской и японской поэзии, владелец издательства «Скорпион» и издатель журнала «Весы».

²⁶ Чулков намекает на свою первую книгу «Кремнистый путь».

²⁷ Бальмонт Константин Дмитриевич (1867–1942)

Нужен срок, чтобы *poètes maudits*²⁸ превращались в академиков. Для Брюсова и его друзей этот срок наступил примерно в 1907 году. А за семь лет до того сотрудники «Скорпиона» были «притчею во языцех». Больше всех тому давал повод К.Д. Бальмонт²⁹.

Насколько Бальмонт со своими «испанскими жестами» казался буйным и страстным, настолько Брюсов был духовно заgrimирован под строгого и невозмутимого джентльмена. Сюртук Брюсова, застегнутый на все пуговицы, и его по-наполеоновски скрещенные руки стали уже традиционными в воспоминаниях современников. Отрывистая и чуть-чуть картавая речь с неожиданной и подчас детской улыбкой из-под усов была уверенна и точна. Положение «главы школы» обязывало, и Брюсов чувствовал себя предназначенным для литературных битв. Ему была нужна маска мэтра.

²⁸ «Проклятые» поэты (*фр.*).

²⁹ В отличие от многих, Чулков высоко ценил богатую инструментовку стихов Бальмонта, пленительную напевность его поэзии. Он считал, что «Бальмонт имеет право на опубликование всего, что он пишет» (РГАЛИ. Ф. 548. Оп. 1. Ед. хр. 210).

II

Соратники Брюсова по «Весам» любили его называть магом³⁰ и окружали его личность таинственностью. Брюсову будто бы были ведомы какие-то великие тайны творчества и жизни. И сам он любил казаться загадочным. В молодости Брюсов занимался спиритизмом³¹; его влекли к себе образы Агриппы Неттестеймского³², Парацельса³³, Сведенборга³⁴; у него на столе можно было найти книжки Шюре³⁵, Кардека³⁶, Дю-Преля³⁷... При этом Брюсов думал, что можно удачно сочетать оккультные знания и научный метод. Трезвый и деловитый в повседневной жизни, Брюсов, кажется, хотел навести порядок и на потусторонний мир. Мне, признаюсь, его занятия оккультизмом никогда не представлялись серьезными и значительными. А между тем иные его современники воистину были причастны какому-то своеобразному и странному опыту, чувствовали бытие не так, как большинство. И это «касание миров иных» приводило иногда к настоящей душевной драме. Не будучи оправдано высшим смыслом, такое темное и слепое влечение в сферу «подсознательного» оканчивалось совершенной катастрофой. Такова была судьба, например, Александра Блока. Не то Брюсов: дальше литературного и салонного оккультного экспериментализма у него дело не шло. В этом было даже что-то ребяческое.

Лицо Брюсова в гробу было совершенно спокойно. Он как будто отдыхал от забот и дел. Никакого следа темных страстей не было в этом простом и тихом лице. Та детская улыбка, которая при жизни появлялась иногда на губах у этого сурового «мага», очевидно, выражала сокровенное его души. Демонизм Брюсова был не более как литературная маска.

Нет, значительность Брюсова вовсе не в его демонизме, вероятно, мнимом, а в его формальных заслугах. Он дал нам пример трудолюбия, точности, добросовестности. Он своим литературным опытом напомнил нам о труднейших задачах нашего ремесла. Бывают писатели, которым дела нет до школы, которые так поглощены жизненной судьбой в сознании ее связи с мировыми целями, что им вовсе не до «истории литературы». Не таков Брюсов. Он больше всего был озабочен тем, чтобы построить литературную фалангу так, как ему казалось это исторически нужным. Отсюда его ревнивое и подозрительное отношение ко всем, кто одновременно с ним выступал на свой страх и риск, не подчиняясь дисциплине.

Брюсов в начале своей литературной деятельности поставил себе задачей создать в России «школу нового искусства» – по образцу французских модернистов. Не случайно первая его книжка «Романсы без слов» – переводы из Верлена. Она появилась еще в 1894 году. Правда, Верлен ему не был созвучен, и впоследствии Брюсов переводил его неудачно, зато в Верхарне³⁸ он обрел конгениального себе поэта. Здесь вершина брюсовских достижений.

³⁰ О магическом воздействии В. Брюсова на современников А. Белый писал уже в сборнике «Золото в лазури». В 1904 г. он создает стихотворение «Маг», начинающееся строчками: «Упорный маг, постигший числа // И звезд магический узор».

³¹ Спиритизм – магическое течение, согласно которому души умерших людей способны являться живым и даже влиять на события реального мира.

³² Агриппа Неттестеймский Корнелий Генрих (1486–1535) – немецкий оккультист, алхимик, теолог, маг, врач, философ, писатель. Подробнее см.: Орсье Ж. Агриппа Неттестеймский. М., 1913.

³³ Парацельс (1493–1541) – немецкий врач, алхимик, естествоиспытатель.

³⁴ Сведенборг Эмануэль (1688–1772) – шведский философ-мистик.

³⁵ Шюре Эдуард (1841–1929) – французский писатель, историк религии.

³⁶ Кардек Аллан (Ипполит-Леон-Денизар; 1804–1869) – французский врач, спиритуалист. В России была переведена его работа «Философия спиритуализма» (1908).

³⁷ Дю-Прель Карл (1839–1899) – французский врач, оккультист, некоторые его труды («Философия мистики» и «Спиритизм») были переведены на русский язык в 1895 и 1904 гг.

³⁸ Верхарн Эмиль (1855–1916) – бельгийский поэт и драматург. Интерес к его произведениям сказался в переводческой деятельности Чулкова (им переведена пьеса Верхарна «Зори». СПб., 1906), а также в его оригинальном творчестве. В част-

В течение 1904–1907 гг. у меня с Брюсовым не прекращалась переписка. Из этих писем видно, как живо Брюсов интересовался тем, что делается в Петербурге. Понять умонастроение тогдашнего Брюсова – это значит найти ключ к пониманию литературных отношений того времени, разгадать смысл борьбы между Москвою и Петербургом. Тут столкнулись две психологии, прямо противоположные.

Московские «декаденты» во главе с Брюсовым озабочены были прежде всего вопросами поэтики, художественного ремесла, литературной техники. Сам Брюсов, хотя в 1894 году и начал свою деятельность в сборниках под названием «Русские символисты»³⁹, вовсе не дорожил символизмом как мироотношением. При возникновении «Весов», по крайней мере, он мне писал с совершенной определенностью, что он не считает себя и своих друзей-поэтов символистами. Правда, с появлением в «Весах» Андрея Белого⁴⁰ символизм становится как будто официальной программой москвичей. Но, по-видимому, Брюсов оставался при своем старом взгляде на поэзию. В противном случае едва ли «Весы» могли бы отказаться от символизма с такою легкостью, с какою они это сделали в последний год своего существования. Во всяком случае, сам Брюсов, если когда-нибудь и причислял себя к символистам, то лишь в том смысле, в каком понимали символизм французы, например Мореас⁴¹. Это был скорее маллармизм⁴², а не символизм. И напрасно многие удивлялись, что Брюсов «отрекся» от символизма на официальном праздновании своего юбилея: это было не отречение, а, так сказать, выяснение недоразумения.

ности, явно подражательный характер носили опубликованные в «Вопросах жизни» (1905. № 9) стихотворения Чулкова «Башни», «Город».

³⁹ «Русские символисты» – известны три выпуска этих сборников (один в 1894 и два в 1895 гг.).

⁴⁰ Белый Андрей (наст. имя и фам. Бугаев Борис Николаевич; 1880–1934) – поэт, прозаик, теоретик символизма.

⁴¹ Мореас Жан (наст. имя Яннис Пападиамандопулос; 1856–1910) – французский поэт греческого происхождения. Ему принадлежит сам термин «символизм», теоретически обоснованный в «Манифесте символизма» (1886).

⁴² Маллармизм – понимание символизма в духе французского поэта Стефана Малларме (1842–1898), развивавшего мысль о «постоянном параллелизме между миром идей и миром чувственных явлений», но одновременно создававшего светлую, утонченно-трепетную поэзию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.